

**Частные книжные собрания в составе монастырских библиотек
Русского Севера конца XVI – XVII вв.: вопросы выявления и
реконструкции**

Среди задач изучения русской книжной культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени важное место занимает вопрос установления социокультурных аспектов бытования рукописной и старопечатной книги. Накопленный на сегодняшний день богатый статистический материал о структуре, составе и динамике книжных фондов представляет собой репрезентативную базу для перехода от позитивистского к культурологическому аспекту изучения. Одной из подзадач в этом процессе нам видится выявление следов личных книжных собраний представителей различных социальных групп в составе более крупных библиотек.

Проблема реконструкции книжных собраний наиболее крупных монастырей была поставлена отечественной историографией в 1960-е – 80-е гг., в это время активно шел процесс изучения рукописных собраний, хранящихся в центральных библиотеках. Несколько позже начинают ставиться и решаться проблемы непосредственного изучения монастырской библиотеки. Одновременно активизировался процесс изучения развития рукописной традиции и книгопечатного дела в средневековой Руси. Необходимо отметить работы Г. И. Вздорнова,¹ Р. П. Дмитриевой,² С. П. Луппова,³ Б. В. Сапунова,⁴ М. И. Слуховского,⁵ Б. Н. Флоря.⁶ Одновременно активизировался процесс изучения книжных собраний, принадлежавших крупнейшим иерархам церкви, в том числе, и основателям монастырей (например, библиотека Кирилла Белозерского выявлена и изучена Г. М. Прохоровым⁷).

С. П. Луппов в своей программной статье «Актуальные проблемы изучения истории книги в России периода феодализма»⁸ в качестве основной задачи исследовательской деятельности на ближайшие годы определил

«уточнение репертуара книг, созданных в ту или иную историческую эпоху»⁹. При этом автор отмечает необходимость привлечения не только сохранившегося фонда рукописных и старопечатных книг, но и выявление не дошедших до нас рукописей и изданий на основании архивных документов. Не менее актуальными, по мнению С. П. Луппова, являются задачи исследования книжной торговли, бытования рукописей, проблема изучения средневекового читателя, а также реконструкция состава крупнейших древнерусских библиотек¹⁰. Таким образом, С. П. Лупповым был очерчен круг задач изучения средневековой книжной культуры, актуальный и для современных исследований.

Одним из направлений реализации этой программы стала большая работа по публикации и введению в научный оборот записей писцов, переписчиков и владельцев рукописных и старопечатных книг, сделанная М. Н. Тихомировым¹¹, Л. М. Костюхиной¹², С. И. Сметаниной¹³. В значительной мере на основе этих материалов выполнена статья Н. А. Баклановой, посвященная изучению русского читателя XVII в¹⁴. Автор комплексно подходит к рассмотрению поставленной проблемы, привлекая сведения о ценах на книги, способах их производства, путях распространения. Бакланова отмечает значительное расширение круга читателей «не только количественно, но и по составу», имея в виду вовлечение в процесс чтения представителей самых разных социальных слоев и групп. По мнению автора, наблюдается разделение круга читательских интересов разных сословий. При этом богослужебная и религиозно-назидательная литература присутствует в круге чтения всех без исключения социальных групп. Еще одной новацией следует считать увеличение числа светских текстов в круге чтения¹⁵. Иной подход к изучению читателя предлагает Б. В. Сапунов. Он проводит статистический анализ владельческих записей с целью выявления распределения книжного фонда России по сословиям¹⁶. Однако, приведенная им выборка не достаточно велика для получения общих выводов.

Таким образом, в отечественной историографии накоплен богатейший материал, раскрывающий социокультурные аспекты бытования рукописной и старопечатной книги на рубеже Средневековья и Нового времени. Однако остаются и некоторые малоизученные аспекты, в том числе, проблема взаимодействия монастырской и частновладельческой библиотеки, состав частных книжных собраний и тому подобное.

В данной статье предпринимается попытка исследования ряда описей монастырского имущества на предмет наличия в них упоминаний о личных книжных собраниях, а также на предмет установления путей взаимопроникновения книг из одной категории книжных фондов в другую.

Важным достоинством описания книг в составе описей монастырского имущества является наличие достаточно четкой схемы (формуляра), по которой происходит фиксация основных параметров рукописной или старопечатной книги в составе книжного фонда. Формуляр имеет достаточно четкую структуру и эволюционирует в процессе развития описей как типа делопроизводственной документации¹⁷.

Среди элементов формуляра можно выделить и сведения о писцах, переписчиках, вкладчиках и бывших владельцах книг. Поздние описи, особенно конца XVIII в., строящиеся по систематическому принципу такой информации не содержат. В ранних источниках информация этого типа встречается не регулярно, в основном в двух случаях: во-первых, когда речь идет о важном для монастыря лице (основателе, крупном вкладчике) и, во-вторых, при наличии значительных комплексов книг, связанных с одним лицом. Приведём указание на «Соборник княж Одреевской» в описи Спасо-Каменного монастыря 1628 г¹⁸. – имеется в виду вологодский удельный кн. Андрей Васильевич Меньшой (ум. 1481 г.), поддерживавший обитель своими вкладами и давший средства на возведение каменного Спасо-Преображенского собора.

Описи вологодских монастырей XVI – XVIII вв. содержат целый ряд таких замечаний. Наиболее любопытное из них содержится в описи Корнильево-Комельского монастыря 1676 г. там упоминается «Псалтырь в полдесть следованием письмяная, письмо чудотворца Корнилия, з жуки»¹⁹. По монастырской легенде, данная книга принадлежала лично основателю монастыря преподобному Корнилию Комельскому, и, как следствие, пользовалась особым почитанием у монашествующих. Сказанное можно в

полной мере отнести и к книге, в которой «писано предание чудотворца Корнилия»²⁰, т.е. устав основанного им монастыря. В глушицкой описи 1683 г. отмечено Житие Чудотворца Николая, принадлежавшее преподобному Дионисию²¹. Возможно, он не только читал эту книгу, но и сам переписал её текст. В лопотовской описи 1645 г. также отмечено несколько книг «чюдотворцова письма» (т.е. преп. Григория Пельшемского) – 9 Миней в десь, Устав, Соборник²² и весьма странно, что в последующих описях 1667, 1670, 1683, 1687, 1701, 1775 гг., их почему-то нет.

Разумеется, единичные факты такого рода в описях вологодских монастырей не идут ни в какое сравнение с обширной совокупностью книг Иосифа Волоцкого (и как владельца, и как автора), отмеченных, скажем, в описях Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг. в виде специального раздела.²³ Но и они проливают свет на книжные вкусы и пристрастия основателей монастырей, заложенные там традиции книгописания, которые тоже необходимо учитывать как один из факторов формирования книжных собраний обителей. Очерчивается единое культурное пространство вологодских монастырей и роль самой книги в системе социокультурных связей.

Пример другого рода находим в описи Спасо-Прилуцкого монастыря 1688 г. Здесь имеется большой перечень книг (32), поступивших в монастырь по духовной грамоте вологодского дьяка Сидора Скворцова, умершего в 1686/87 г.: «Да вновь прибыло вкладных книг, что даны по смерти дьяка Сидора Скворцова»²⁴. Далее в описи следует перечень 29-ти печатных книг (плюс только 3 рукописных), среди которых заметны редкие для севернорусских монастырских библиотек издания «виленской», «иверской», «киевской», «литовской» печати. Возможно, дьяк С. Скворцов и сам был не чужд книгописания: среди его рукописных книг отмечены «выписки скорописью из разных книг божественного писания»²⁵. Столь значительный книжный вклад существенно расширил библиотеку Спасо-Прилуцкого монастыря, и без того немалую: всего в описи 1688 г. только в книгохранительной палате фигурирует 354 книги, из которых около половины, 48,5 % (172 книги) были печатными, 41 % (146 книг) – «писмянными», включая даже несколько харатейных, и ещё для 36 книг (10 %) «способ производства» не был указан (в основном это были певческие книги).

Выявленные еще Н. К. Никольским различные формы и цели книжного собирательства в светской и духовной среде отнюдь не исключали активного взаимопроникновения и взаимодействия монастырских книжных фондов и личных собраний духовенства и мирян. Об интересе светских лиц к книгам монастырских библиотек свидетельствует практика их выдачи для чтения

или переписывания. Так, игумен Павло-Обнорского монастыря Иосиф Андреяновский выдал Шестоднев киевской печати стольнику П. Г. Голохвастову, известному проведением дворовой переписи в городе и уезде в 1677 – 1678 гг.²⁶ По скаске книгохранителя в прилуцкой описи 1688 г., несколько Прологов было выдано гостю Г. М. Фетиеву (ум. 1683 г.), который, хоть и был сам неграмотным, так их и не вернул²⁷. Согласно духовной архиерейского приказного В. Г. Данилова-Домнина (ум. 1673 г.), часть его книг была роздана родственникам, поступила в архиерейское собрание, в сельские церкви уезда и лишь книга Святцы была отдана глушицкому игумену Дионисию, потому что была его²⁸. Возможно, когда-то Дионисий дал её почитать В. Г. Данилову-Домнину, поэтому она не отмечена в глушицкой описи 1683 г., поскольку считалась личной, а не принадлежавшей корпорации.

Особую группу вкладчиков монастырских библиотек составляют духовные лица, прежде всего, прямо связанные с данной обителью. Так, в ряде случаев вкладчиками выступали сами книгохранители монастырских библиотек. В описи Спасо-Каменного монастыря 1670 г. читаем: «Книга Евангелие напрестольное, евангелисты серебряные, резные, золочены... а дал то евангелие черной дьякон Ияков, книгохранитель»²⁹. «Новые поступления» в монастырские библиотеки происходили и за счёт вкладов первых лиц корпораций – игуменов, келарей. В прилуцкой описи 1593 г. отмечены две Триоди «данья старца Феодосия, бывшего келаря»³⁰, в спасо-каменской 1628 г. Служба и Житие Антония Сийского - вклад архимандрита Герасима³¹, в лопотовской описи 1645 г. «Устав печатной новой – дан по родителех игумена Герасима»³²; в обнорской описи 1682 г. – несколько книг бывшего игумена Иосифа Галактионовского.³³ Иногда настоятель одного монастыря мог передать книги в другой монастырь – так между корпорациями происходил своеобразный книгообмен. В описи 1628 г. отмечен вклад в Спасо-Каменный монастырь игумена Павло-Обнорского монастыря Алимпия, переданный через его сына Н. Афанасьева, - книга Апостольских

посланий.³⁴ В той же описи фигурирует Сборник Лопотовский, попавший, видимо, на остров Каменный из Лопотова Пельшемского монастыря (если только это вообще не указание на принадлежность данного Сборника преподобному Григорию Пельшемскому³⁵). На обороте одного хозяйственного документа 1682 г. М. С. Черкасовой удалось обнаружить черновик письма из Спасо-Прилуцкого монастыря в Спасо-Каменный с просьбой к настоятелю разрешить посланному из Прилук дьячку Ив. Родионову списать жития преподобного Иоасафа Каменского и митрополита Филиппа.³⁶ Поступали в монастыри и книжные вклады от церковных иерархов: в прилуцкой описи 1688 г. отмечено дарение Нижегородского митрополита Филарета одного, зато драгоценного Евангелия³⁷.

С точки зрения владельческой принадлежности отдельных книг интересны реплики описей типа «Евангелие Антипы Рудина», «Канунник Илинарховский», «Евангелие Устиновское, священника»³⁸; Сборники - Лукинской, Иванов, Анфимов, Иоакимов.³⁹ Это позволяет выделять небольшие совокупности книг, принадлежащих конкретным монахам, а после их смерти как выморочное имущество переданных в библиотеку корпорации, что важно учитывать для изучения процесса её формирования: «...два Часословца, оба Протасьевские»; «книга Шестодневца в полдесть, Протасьевской» (речь идет о старце Спасо-Прилуцкого монастыря Протасии Роспопине, умершем в 1586 г.⁴⁰. Или: «...Да осталось после старца Якима книг», «...после старца Стахеи», «... после старца Филофея», «...после священника Аникия»⁴¹. Представители белого духовенства тоже давали в монастыри вклады книгами: «Евангелие в десть тетр...дача попа Корнилия Поднебесного»⁴². Попавшие в Спасо-Прилуцкий монастырь, скорее всего, в связи с репрессивными акциями Грозного против части духовенства, бывшие архимандриты московских монастырей Христофор (Чудова) и Яким (возможно, Ново-Спасского) в составе своих книжных собраний передали корпорации печатные Библии, отмеченные в описи 1593 г.⁴³. Не исключено, что речь здесь может идти о знаменитой Острожской Библии Ивана

Фёдорова 1581 г. Во всяком случае, упоминание «Библии печатной в десть, в две строки» в описи Спасо-Каменного монастыря 1628 г. Лаврентьев и Турилов атрибутируют именно с Острожской Библией Ивана Фёдорова.⁴⁴ Правда, о путях её попадания на остров Каменный в данном случае не сообщается.

Систематизация подобных сведений выводит на более общую источниковедческую проблему об элементах вкладных книг в монастырских описях. Такого же рода информация имеется в описях и применительно к тканям, иконам, золотым монетам, утвари, включая драгоценные вещи и книги «государева жалованья и данья». В тех случаях, когда вкладные книги до нас не сохранились, эта информация отчасти компенсирует их отсутствие. Если же вкладные книги имеются, то это открывает перспективу сравнения сведений о вкладах в источниках независимого друг от друга происхождения. Наиболее ранние вкладные записи на книгах вологодских монастырей известны от 1510 и 1524 гг., причём обе с принадлежали священноиноку Дионисьево-Глушицкого монастыря Феодосию Иванову с. Исакову. Они были сделаны им на Требнике 1495 – 1510 гг.⁴⁵ В описях 1683 и 1701 гг.⁴⁶ фигурируют несколько Требников, но без уточнений о путях их попадания в состав книжного собрания обители⁴⁷, возможно, какой-то из них и хранился как вкладной ещё с первой четверти XVI в.

Сведений о «данье книг» в прилуцкой описи 1593 г. (то есть о вкладчиках книг, часть которых могла являться одновременно и их писцами) немало, хотя они отличаются от ещё более многочисленных и систематических аналогичных по характеру сведений в книжных описях Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. Анализ последних позволил Т.В.Диановой и Л.М.Костюхиной выполнить уникальную реконструкцию состава вкладчиков, писцов и владельцев книг Иосифо-Волоколамского монастыря с конца XV в. и атрибутировать значительную их часть с книгами Епархиального собрания ГИМа.⁴⁸ Названными исследовательницами при участии И. В. Поздеевой был установлен фактический корпус рукописных

книг этого крупнейшего центра монастырской культуры в XVI-XIX вв. Сильная распылённость по разным хранилищам рукописных книг вологодских монастырей и большие утраты в их составе существенно осложняют решение подобной проблемы применительно к ним. Атрибуцию некоторых книг по спасо-каменской описи 1628 г. предложили Лаврентьев и Турилов.⁴⁹

Приведенные примеры являются лишь самыми яркими иллюстрациями информации о вкладчиках и бывших владельцах книг и, несмотря на свою несистематичность, данные сведения проливают свет на характер поступлений в монастырские библиотеки Вологодского края. Абсолютно полное выявление взаимосвязей монастырских библиотек с частными книжными собраниями не представляется возможным. Однако даже выявленные факты позволяют говорить об активно двустороннем «диалоге», что в свою очередь опровергает сложившийся в дореволюционной и отчасти в советской историографии тезис об изолированности и узкой богослужебной направленности монастырских книжных фондов.

¹¹ Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV вв. – М., 1980.

² Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI веков (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой Лавры) // Труды отдела древнерусской литературы (далее ТОДРЛ). Т. XXIII. – Л., 1968. – С. 143 – 170.

³ Луппов С. П. Приходная книга Московского Печатного двора как ценный памятник истории культуры России XVII в. // Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. / Публикация документов и исследования С. П. Луппова. – М., 1983. – С. 5 – 52.

⁴ Сапунов Б. В. Украинская книга в России XVII в. (из истории русско-украинских культурных связей) // История книги и издательского дела. – Л., 1977. – С. 5 – 21.

⁵ Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII в. Из истории книжного просвещения. – М., 1968; Слуховский М. И. Русская библиотека XVI – XVII вв. – М., 1973.

⁶ Флоря Б. Н. О реконструкции состава древнерусских библиотек // Древнерусское искусство. Рукописная книга. – М., 1972. – С. 52 – 59.

⁷ Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Т. XXXVI. – Л., 1981; Прохоров Г. М., Розов Н. Н. Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Т. XXXVI. – Л., 1981.

⁸ Луппов С. П. Актуальные проблемы изучения истории книги в России периода феодализма // Книга в России до середины XIX в. – Л., 1978. – С. 11 – 24.

⁹ Там же. – С. 12.

¹⁰ Там же. – С. 16 – 18.

¹¹ Тихомиров М. Н. Записи XIV – XVII веков на рукописях Чудова монастыря // Археографический ежегодник за 1958 г. – М., 1960. – С. 11 – 36; Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати XVI – XVII вв. // Археографический ежегодник за 1961 г. – М., 1962. – С. 276 – 344.

¹² Костюхина Л. М. Записи XIII – XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // Археографический ежегодник за 1960 г. – М., 1962. – С. 273 – 290.

¹³ Сметанина С. И. Записи XVI- XVII вв. на рукописях собрания Е. Е. Егорова // Археографический ежегодник за 1963 г. – М., 1964. – С. 358 – 396.

¹⁴ Бакланова Н. А. Русский читатель XVII в. // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. Вып. 2. – М., 1967. – С. 156 – 194.

¹⁵ Та же. – С. 192 – 193.

-
- ¹⁶ Сапунов Б. В. Книга и читатель на Руси в XVII в. // Книга в России до середины XIX в. – Л., 1978. – С. 61 – 74.
- ¹⁷ Красиков А. Н. Опыт формулярного анализа книжных инвентарей в составе монастырских описей XVI – XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: материалы XXI международной научной конференции. – М., 2009. – 228 – 231.
- ¹⁸ Памятники письменности в музеях вологодской области. Ч. 4. Вып. 1. – Вологда, 1985. – С. 190.
- ¹⁹ Переписные книги Вологодских монастырей XVI – XVIII вв.: исследования и тексты. / Отв. ред. М. С. Черкасова. – Вологда, Древности Севера, 2011. – С. 324.
- ²⁰ Там же. – С. 325.
- ²¹ Там же. – С. 205.
- ²² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 3. Л. 42, 43.
- ²³ Книжные центры древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь. – Л., 1991. – С. 55 – 56, 77.
- ²⁴ Переписные книги Вологодских монастырей XVI – XVIII вв... – С. 64.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Известия императорского Археологического общества. – СПб., 1864. – Т. 5. Вып. 3. – Стб. 182.
- ²⁷ Переписные книги Вологодских монастырей XVI – XVIII вв... – С. 63.
- ²⁸ Енин Г. П. Раздаточные книги наследства архиепископского приказного В. Г. Данилова-Домнина. Исследование и источник. – СПб., 2009. – С. 59.
- ²⁹ Переписные книги Вологодских монастырей XVI – XVIII вв... – С. 123.
- ³⁰ Там же. – С. 37.
- ³¹ Памятники письменности в музеях вологодской области. Ч. 4. Вып. 1... – С.192.
- ³² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 3. Л. 41 об.
- ³³ Известия императорского Археологического общества. – СПб., 1864. – Т. 5. Вып. 3. –Стб.188.
- ³⁴Памятники письменности в музеях вологодской области. Ч. 4. Вып. 1... – С.193.
- ³⁵ В лопотовской описи 1645 г. как раз отмечен некий Сборник «чюдотворцова писма» (ГАВО. Ф.496. Оп.1. Кн. 3. Л.43). Возможно, после 1628 г. эта книга с о. Каменного вновь оказалась в Пельшемском монастыре.
- ³⁶ ГАВО. Ф.1260. Оп.6. № 200. Л.4об., 5об., 6об. Черновик был выявлен и указан палеографом ГАВО Т. М. Воропановой.
- ³⁷ Переписные книги Вологодских монастырей XVI – XVIII вв... – С. 65.
- ³⁸ Там же. – С. 36.
- ³⁹ Памятники письменности в музеях вологодской области. Ч. 4. Вып. 1... – С.190.
- ⁴⁰ ГАВО. Ф.1260. Оп.2. № 43; Оп.6. № 198.
- ⁴¹ Переписные книги Вологодских монастырей XVI – XVIII вв... – С. 37, 44.
- ⁴² Там же. – С. 35 – 36.
- ⁴³ Там же. – С. 37, 44.
- ⁴⁴ Памятники письменности в музеях вологодской области. Ч. 4. Вып. 1... – С.163, 191.
- ⁴⁵ ОР РГБ. Ф.354. № 23. Публикацию и анализ записей см.: Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV-XIX вв. Исследование и тексты. – СПб., - 2006. – С. 368 – 369.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Кн.43.Л. 114об., 115об.
- ⁴⁷ Переписные книги Вологодских монастырей XVI – XVIII вв... – С. 205.
- ⁴⁸ Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Рукописные книги Иосифо-Волоколамской библиотеки // Книжные центры древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь. – Л., 1991. – С. 102 – 116.
- ⁴⁹ Памятники письменности в музеях вологодской области. Ч. 4. Вып. 1... – С.163.